

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ

Семен Грила

Неандертальцы

Если бы неандертальцы выжили, возможно, мы бы жили в мире, где существовало бы несколько разумных видов, и это могло бы изменить ход истории.

Стивен Хокинг

Один

Стив смотрел на Монику и любовался. Нет, не так. Он любовался и поэтому смотрел. Нет, все-таки он смотрел, потому что привык наслаждаться ее видом.

Им достался сложный язык, который включал не только звуки-буквы, но и запахи. И образы. Такая смесь музыки и цветов. Слишком сложный, чтобы объяснить, но интуитивно понятный тем, кто пользуется. Стив Джобс, говорят, был неандертальцем. Ну, может, и не был. Кто его знает.

В общем, он смотрел. Моника повернулась к нему и сказала:

– Эти люди, ну там, где мы вчера были, опять пишут в своих пабликах или как там у них называется, что видели тарелки и пришельцев. Тебе не надоело? Что за шутки с визуализацией?

– А что? Им же нравится. Они считают нас инопланетянами. Они же не могут представить себе наличие других людей на «их» планете. Я дарю им праздник, свожу с ума и заставляю думать.

– Ну, конечно. И они думают, как нас поймать.

– Ну ладно. Ты же знаешь, что это невозможно. Мы же придумали несмешивание пространства. Если мы открываем видеоканал, они могут нас видеть. Как шторку на окне. Мы включаем свет. Притягиваем взгляды. Их летчики нас фотографируют, лунатики смотрят на нас в бинокли. Разве это не весело?

– Ты задолбал с весельем. Ты помнишь, как они, любознательные, резвились на реке Тунгуске?

– Ну помню, конечно. Было написано много книг, и экспедиций много прошло по тем местам. Хорошо, спалили немного леса.

– Но цель-то наша была не в этом.

– Ну, они нас не поняли.

– А теперь поймут?

– Я просто хочу, чтобы тема была в повестке, чтобы они не расслаблялись, – Стив засмеялся.

– Да. А тебе не кажется, что они наконец сложат два и два и найдут формулу перехода. И что тогда?

– Да как? Для этого надо быть одним из нас. Мозги другие совсем. Ты же читала отчеты.

– Но за 50 тысяч лет даже методом перебора уже пора.

– Ну видишь – пока всё никак. Кроме обгорелых непонятно чьих тел, снимков непонятных летающих объектов и вздохов в

радиоэфире. И потом, тебе же самой было скучно и ты хотела на концерт в Бирмингем.

– Да, я хотела. Наверное, не выспалась. Извини. Ну их всех к черту. Мы злые, мы жестокие. И мы одиноки. Ну, отчасти. Сколько нас?

– Всего? Тысяч пятьдесят, я думаю.

– Столько было давно. Многие ушли.

– Вырождение – наш бич. Но мы держим мутации под контролем. И все-таки один неверный шаг...

– Эмоция. Вся проблема в этом. Мы же хотели спасти этих карликов на островах. А чем кончилось?

– Любовь не кончается.

– Ну да, ну да, это же твои предки научили их всяким пиршествам любовных утех.

– Опять поругаемся.

– Да отчего же?

– А Орда? Разве это не мы – воплощение духа черных воинов. А Ганнибал?

– Да они посмотри что сделали из кибернетики, – Стив опять засмеялся.

– Да, «Твиттер» придумали вместо лечения рака или хотя бы насморка.

– Мы злые? Или справедливые?

– Мы никакие. Мы чужие. Нас нет.

– Ну, начинается. А почему ты хочешь, чтобы я звал тебя Моника? – Стив заржал.

– Наверно, потому, что я зову тебя Стив.

Вот так начинается новый день в их пещере, как представляют ее люди. А на самом деле – в прекрасно сохранившемся доме в городе Помпеи. Вулканы меняют течение времени. Толкин это понимал.

Два

– Вчера опять была активность внеземных сил, – полковник Дворников смотрел на помощника президента. Помощник смотрел в окно в сторону мемориала Линкольну. Впрочем, ему его не было видно, но представить-то он мог. А инопланетян – не мог. А вот полковник мог.

– Джордж, я вам говорю, я сам летал и видел. Сначала стробоскопы этих музыкантов со стадиона светили в небо, а когда погасли, там были они. Я летал. Я видел.

– Ну хорошо, Павел. От меня-то вы чего хотите? – голова помощника раскалывалась, видно, менялась погода, и ему хотелось, чтобы полковник ушел.

– Я хочу доклад президенту.

– Хорошо, я поговорю.

– Нет, я хочу сам.

– Хорошо, я поговорю.

– Я хочу сейчас.

– Хорошо.

Помощник нажимает кнопку:

– Клер, как у него настроение?

– Ужасное, никого не может видеть.

– Что так?

– Инопланетяне.

– Серьезно?

– Ну да. Смотрел сводку, увидел, что опять были, и прям сам не свой сделался. Позвал начальников штабов.

– О как!

– У нас все серьезно, ты же знаешь.

– Ладно, отключаюсь.

– Ага.

– Вот видите, – Джордж обернулся к Дворникову. – Президент уже в курсе и принимает меры. Можете присоединиться к своему начальству и биться в унисон.

Дворников вышел.

Какой же мудака этот полковник, подумал помощник.

Этот нелепый помощник приведет нас на плаху, думал полковник.

Хорошо то, что они думали. Все остальное плохо. Содержание осмысления. Сапиенс. Но ведь хомо.

Три

Максим сидел в палисаднике на лужайке дома в Нью-Джерси. Нет, не сидел, стоял – делал барбекю, как положено, и пил вино. Он смотрел на стейки и думал о Набокове. Ну, там, про неуклюжее детство. Зима и теплая одежда. Валенки, шуба, шапка. Под шапкой платок.

Нет, не так. Он думал, как бы думал Набоков, если был бы сейчас как он. Про деда и Лиговку. И про все хорошее. Теплое, нежное. Красного вина надо много, тогда и воспоминания будут легкими и приятными.

К черту всю эту довлатовщину. Максим потушил горелку, сложил прожаренные куски на тарелку. Взял бутылку и пошел к столу.

Они ждали его. Они кричали. Они радовались. Они не знали, как он далеко. Как он хотел когда-то двигаться. А теперь не хочет. Он хочет просто жить и чтобы их не было. Если они прям сейчас уйдут, то он будет счастлив. Но так не бывает. Они не уходили. Долго. Он страдал, и с ним вся Лиговка.

Четыре

– Все-таки надо доломать им структуру управления, а то они так еще тысячу лет телиться будут.

Тот, кого Моника называла Стивом, говорил со старым неандертальцем, прилетевшим к ним для обмена мнениями.

Скорее это был обмен мнениями между поколениями, нежели между сотрудниками. В понимании сапиенсов они не работали. Они просто жили. И жили минимум по тысяче лет. Поэтому справлялись малой популяцией и даже из заблудшей овцы путем плановых мутаций лет через пятьсот получался гений.

Вот это межпоколенческие проблемы и рождало, ибо память менять было запрещено, стирать запрещено, и неандерталец мог детально осознать, какой он раньше был мудака. Ну, в общем, все как в людей. У сапиенсов.

Прилетевшего звали Зигмунд, Моника его не любила и звала Сильвестром. А кто его звал Зигмундом, те, наверное, теперь были далеко.

– Доламывать не строить, – ответил Зигмунд-Сильвестр. – Но другого варианта действительно вроде бы нет. Что предлагаешь конкретно?

– Как мы много раз уже делали. Убираем ценности. Они ищут их и за это время совершают технологический рывок, ибо мозги заняты этикой, и инженеры могут спокойно работать, лишённые нагрузки общественных страхов, что прогресс идет слишком быстро. Подкинем им пару новых ключей. Инженеры их увидят когда-нибудь – постараемся, чтоб увидели побыстрее. И тогда они, может быть, двинут на Марс или куда еще. Страх вернется, но капкан уже захлопнется позади новой эры. Вот так примерно.

– Мудрено все у тебя, – усмехнулся Зигмунд-Сильвестр. – Ну ладно, я не против, хотя в наше время действовали проще.

– Это когда Возрождение закрутили? Медленно и печально.

– Да иди ты в жопу, и Моника твоя. Мы – неандертальцы, нам все по плечу. Мы хотели помягче, а оно видишь как вышло.

– Вижу, и теперь все сначала, опять Возрождение.

– Ну и что? Мозг сапиенса цикличен, они любят повторы. Думают, что на верном пути. Спираль и все такое.

– Все-таки повезло нам тогда, когда те пришельцы объяснили нам, как устроена Вселенная. Они же смогли объяснить. Почему мы не можем?

– Наверно, мы другие, но слишком близкие все-таки для таких решений.

– Да, – согласился Стив, – слишком близкие.

Пять

Дворников думал, кому позвонить: Китай или Россия. Может, они что-то знают. Или они это и вертят всё. Столкнулись уже с этими пришельцами, пугают, запутывают. А если нет? Попаду впросак. Свои отымеют дурака. И фамилия у меня неподходящая. Эх,

бодливой корове бог рогов не дал. Так, кажется, мы, русские, говорим. Я же русский. Я русский. Значит, звоню русским. Родичам.

Помощник президента читал распечатку разговора Дворникова с русским атташе по имени Максим. Дворников мямлил, мифический Максим молчал. А потом сказал, что им это неинтересно, а если он страдает от ностальгии, то пусть едет в Москву, а не придумывает пришельцев и не пудрит ими мозги. Потом они вежливо попрощались.

О как, подумал помощник и закрыл папку.

Шесть

Все-таки очень трудно с ними. Вроде мы все тут хомо, ну, родственники в общем, а получается коммуникация плохо. Может, надо переходить на каналы до языка. Моника в том специалист. Трансляция. Как там они это называли недавно? Оранжевые революции? А ведь были у них ребята, которые стояли рядом, но дверь так и не нашли. Получается, мы должны. Ну когда-нибудь, не завтра, конечно. Все-таки мы же вымершая ветвь эволюции. Стив засмеялся.

Да, об эволюции. Сапиенсы почему-то считают, ну большинство сапиенсов, что эволюция – это обязательно прогресс. Вектор куда-то вперед, а ведь никакого вперед нет. Эволюция – ведь это просто прохожий, потерявший что-то в темноте и шарящий под фонарем. В смысле место под фонарем – это не вершина эволюции. Ибо вершины вообще нет.

Заглянула Моника.

– Поехали отвлечемся. Большой концерт в Гайд-парке в Лондоне. Большие звезды. Толпы народа. Все дела.

– Нет, Лондон неприемлем: холодно, дождливо. У меня начинаются фантомные боли.

– Можешь надеть скафандр. Попадешь на все обложки всех журналов. И на все сайты.

– Да брось ты, тема сейчас не так популярна.

– Вот пора подкачать, одевайся, – Моника развернулась. – Пойду найду тарелку побольше.

Семь

Максим опять что-то жарил. Опять была суббота. Он думал про этого козла Дворникова. Надо же было додуматься предлагать сотрудничество по поиску внеземных цивилизаций. Идиоты!

Он не имел в виду обычные противоречия цивилизаций. Просто он имел свою точку зрения на это все. И заключалась она в простом послыле – все игроки за столом. Нет никаких инопланетян, а есть другие ветки эволюции. Мы их не видим, считал Максим. Но то, что нам не видимо, не значит, что не существует.

Впрочем, за это Максима не все любили. Да, честно говоря, почти все не любили. Да он и сам себя не любил. Но это никак не влияло на существо дела и на эволюцию вопроса.

Восемь

Стив надел скафандр. Моника нашла тарелку. Ну в смысле визуализировала.

Оба засмеялись. Неандертальцы, что с них возьмешь. Полетели.